

Дух науки и её реформирование

Гарри Абелев

С глубокой тревогой и недобрим чувством я слежу за дискуссией в прессе о предполагаемой реформе в науке, и мне становится всё очевиднее, что проблема вышла из области дискуссий и что наука стоит на грани пропасти. Для меня ясно, что науке с её самоуправлением, собственным определением приоритетов и системой ценностей противостоит чиновник, стремящийся к личной выгоде или внешнему «порядку», чуждый и враждебный духу науки с её спонтанным и непредсказуемым развитием. Одним из проявлений этого противостояния является давний, но резко обострившийся «спор» Академии медицинских наук и Минздрава о первенстве в нашей медицине и медицинской науке, спор, ведущий к концу научной медицины или, во всяком случае, медицины, имеющей элементы оригинальности, а не полностью эпигонской.

Выдерживание науки в «голодном» режиме, почти без государственной поддержки, при сохранении высокого уровня бесплатного образования привело к серьёзному оттоку молодых учёных, к тому, что отечественное образование готовит учёных для зарубежной науки.

Низкие пенсии работников заставляют пожилых учёных держаться за свои, пусть даже очень низкие зарплаты, и это, вместе с оттоком молодёжи, приводит к постарению науки и бесперспективности занятия ею.

Царство рыночных отношений и стремление к быстрой выгоде приводит к сужению спроса на научные инновации и серьёзные научные разработки, требующие инвестиций и времени для своей реализации. Требование самокупаемости научных исследований подрывает фундаментальную науку, продукт которой не продаётся.

И, наконец, резкое падение престижа науки, почти полное прекращение научно-популярных изданий и телевизионных программ делает науку и творческую деятельность малопривлекательными в глазах широкой публики, оцениваемыми лишь сугубо прагматически, как средство от болезней или создания телевизоров и мобильных телефонов.

Ясно, что все эти проблемы надо решать и решать как можно быстрее, пока ещё ситуация кажется обратимой. Но решать её надо опираясь на природу науки, на её логику, а не на коммерческие интересы чиновничества и не на стремление к «порядку» и управляемости.

Итак, что можно предложить для сокращения оттока молодёжи и сохранения способных учёных? В последние годы в Университет и аспирантуру научных институтов Москвы и, надо полагать, Санкт-Петербурга и других центральных городов России поступает всё больше молодёжи из периферических местностей страны — причём эта популяция включает крепкую молодёжь, рвущуюся к знаниям, умеющую работать и ценящую настоящее образование. Эта популяция пополнила редевшие в 90-е годы ряды аспирантуры. Но что дальше? Ни жилья, ни работы в Москве

(и, надо полагать, в Петербурге) им не положено. Купить или даже снимать жильё в Москве при зарплате научного работника невозможно. Выход один — эмиграция. И эмиграция становится закономерным итогом высшего образования и аспирантуры. Другого выхода для приезжих нет. Эмиграция становится привлекательной и для молодёжи, не нуждающейся в жилье или «прописке». Эмиграция в страну с полноценной, а не распадающейся наукой либо в бизнес, позволяющий приличную жизнь с семьёй и покупке квартиры. Долгосрочный льготный кредит на покупку квартиры мог бы быть оптимальным выходом и государственной политикой, направленной на удержание научной молодёжи в стране, позволяющей ей жить и работать на родине.

Другая проблема — возвращение уехавших за границу учёных и использование в стране их опыта, полученного в развитых странах с высоким уровнем современной науки. Здесь нужен закон, позволяющий уехавшим учёным иметь официальные группы в отечественных институтах и университетах на правах совместительства, закон, позволяющий участие в конкурсах на гранты, например, в конкурсах Российского фонда фундаментальных исследований. Единственным ограничением таких грантов могло бы быть их использование отечественными группами или лабораториями. Руководители подобных групп могли бы участвовать в выборах в члены российских академий. Подобная смешанная структура отечественных учреждений могла бы, не нарушая имеющейся её структуры, повысить уровень её конкурентности и привлечь наших учёных к работе в стране и вовлечению молодёжи в отечественную науку.

Разумеется, такие меры могут быть эффективными только при развитии инфраструктуры науки — пополнении и обновлении её приборного и информационного парка, расширении пользования интернетом, расширении базы разведения животных, финансировании зарубежных командировок и т. п. Важно, чтобы любая финансовая поддержка науки шла через открытые (и прозрачные) фонды, типа РФФИ, как это было, например, с фондами Международного фонда фундаментальных исследований (МНФ) — фонда Сороса, поддерживающего и исследования и приобретение оборудования и международные взаимодействия учёных — конференции и командировки для совместной работы.

Важно, чтобы финансирование шло через руки не чиновников, а самих учёных, через финансирующие фонды типа РФФИ, с конкурсами и обсуждением, с последующей публикацией.

Следующий, очень важный вопрос — судьба пожилых учёных. Пожилые учёные — это не только люди, всю сознательную жизнь проработавшие в науке, но это люди, прошедшие вместе с нашей наукой тяжёлый период выжива-

ния, добывавшие отечественные и международные гранты, проводившие в самых трудных условиях научные исследования на высоком международном уровне и делавшие это практически задаром, без уважения общества и государства и встречающие сейчас только одно желание государства — выпихнуть их на низкую пенсию, чтобы не мешали своим авторитетом и здравым смыслом превратить научные институты в доходные офисы и казино.

К счастью, вхождение нашей страны в международное сообщество препятствует увольнению сотрудников по возрасту (п. 3 Трудового кодекса), а законное увольнение по аттестации не найдет поддержки у коллег, понимающих роль старшего поколения в их судьбах, судьбе их институтов и всей нашей науки.

Учёные не могли ничего накопить на старость, они должны выходить на нищенскую пенсию или через силу продолжать работать. Надо резко увеличить их пенсии или выдавать единовременный пенсионный «грант» при выходе научного работника на пенсию. Об этом недавно писали

Дух науки несовместим с духом рынка. Её результаты не продаются, а свободно публикуются. Её рейтинги в субъективном мнении настоящих учёных, а не в формальных «показателях». Её высшая ценность — в нетривиальности, в не балансивности, в собственном взгляде или подходе учёного; для самого исследователя она в том, чтобы реализовать себя в исследовании действительности, найти то общее, что объединяет внутренний мир человека с миром внешним. Наука даёт человеку такую возможность, и в том её уникальность и ценность.

академики В. Накоряков («Молодым будет наука», «Новая газета», 24.07.2006) и В. Фортон («У нас остались те, кто уехал», «Новая газета», 20.10.2005). Это должно было бы сделать государство, но вряд ли оно может повышать пенсию отдельной категории сотрудников. Аренда земли и помещений, имеющихся в распоряжении научных институтов, могла бы быть использована для этого. Даже проценты на долгосрочную аренду, добавленные в пенсионный фонд института, могли бы служить серьёзным источником добавки к пенсиям сотрудников. Было бы желание, а источники можно найти.

Следующая проблема — стимуляция создания и внедрения инноваций, имеющих коммерческую стоимость. Наш бизнес, как и всякий, по-видимому, бизнес стремится получить быстрый эффект при минимальных вложениях. Но известные пути подобного бизнеса быстро исчерпываются и

Совместить учёного и чиновника невозможно, и уж совсем невозможно подчинить учёного чиновнику, они никогда не поймут друг друга.

переходят на эпигонские рельсы незначительных усовершенствований имеющихся методов, приборов и лекарств. Принципиально новые решения, т. е. подлинно научные решения, требуют времени, риска и крупных вложений. Обычный «текущий» бизнес их выталкивает. Это могут делать крупные компании или государство. Но только такой рынок может воспринимать и «быть жадным» к подлинным инновациям, финансировать их и создавать для них эффективную систему коммерческой реализации. Без такого рынка любые призывы к доведению исследований до внедрения останутся мёртвыми и формальными. Они будут приводить только к лжеинновациям и псевдовнедрению.

Научные инновации должны быть востребованы рынком, без этого будет только видимость внедрений и расцвет эпигонства.

Здесь надо ещё раз напомнить о неразрывности фундаментальных и прикладных исследований, о чём говорилось и писалось неоднократно. «Ищите опытов светоносных, а не плодоносных» — сформулировал эту мысль ещё основатель естественных наук Бэкон четыре столетия назад. Из искусственной ориентации на практический выход выйдет лишь эпигонство и обман, в естественный ход науки не следует вмешиваться, ничего путного из этого не выйдет.

Надо задуматься о месте науки и научной работы в системе ценностей нашего общества. Сегодня царствует рынок, и рыночная психология охватывает всё, включая науку. Но дух науки несовместим с духом рынка. Её результаты не продаются, а свободно публикуются. Её рейтинги — в субъективном мнении настоящих учёных, а не в формальных «показателях». Её высшая ценность — в нетривиальности, в не балансивности, в собственном взгляде или подходе учёного; для самого исследователя она в том, чтобы реализовать себя в исследовании действительности, найти то общее, что объединяет внутренний мир человека с миром внешним. Наука даёт человеку такую возможность, и в том её уникальность и ценность. В этом принципиальное сходство науки и искусства, в этом и высшая ценность человеческой деятельности. Это находится вне рыночной идеологии и враждебно ей. И это уходит из современной жизни, унося с собой богатство и основную её ценность. Надо ли соглашаться с этим?

И, наконец, — почти биологическое непонимание и противостояние научного работника и чиновника. Для научного работника всё — от деталей до целого, от распорядка дня или года до всей жизни — определяется делом, которое он делает. В какие-то дни он работает в лаборатории, начиная с началом опыта и кончая, когда опыт можно прервать, в другие дни он пишет, читает или думает, обрабатывая свой или не свой материал. Он не может предвидеть, когда у него образуется время для отпуска и когда отпуск минимально отразится на работе. Другими словами, его рабочая (и нерабочая) жизнь не может быть введена в формальные рамки, то же относится и к его расходам на оборудование и реактивы. Они не только требуют не того, что он запрашивал в начале работы, но не того и не тогда, что и когда он требовал раньше. Его результаты чаще всего неожиданны. Всё это несовместимо с жёстким планированием во всех отношениях, и учёный стремится избавиться от него, смеётся над ним и относится к нему в высшей степени несерьёзно. В этом учёный прямо противоположен чиновнику, у которого жизнь введена в рамки порядка, рабочий день — с 8.30 до 17.15, обед — с 13.00 до 14.00, отпуск запланирован заранее до одного дня, рабочая жизнь подчинена плану, план — закон, приказ сверху — указание к исполнению. Иерархия — основа порядка, порядок — основа жизни и работы.

Всё в научном работнике раздражает чиновника и несовместимо с его шкалой ценностей. Совместить учёного и чиновника невозможно, и уж совсем невозможно подчинить учёного чиновнику, они никогда не поймут друг друга. Оценка учёного чиновником — полный абсурд, а подчинение Академии министерству — уничтожение Академии или обман министерства? ■